

Надточей Ю.И.¹

«Непознанная Венера»: Европейский союз в современном идейном дискурсе Республиканской партии США

***Аннотация.** В статье анализируются особенности восприятия Европейского союза как политической реальности в современном дискурсе консервативных политических кругов США. Рассматриваются предпосылки быстрой (по историческим меркам) идеологической трансформации Республиканской партии США, метаморфозы ее политической платформы в сторону консерватизма нового типа – трамппизма. Возвышение на политической авансцене США Д. Трампа, а также постепенный интеллектуальный и кадровый «захват» партии сторонниками 45-го и 47-го президента – MAGA-республиканцами – привели к коренным изменениям ее внешнеполитической программы, основой которой стала политика избирательного и ограниченного вовлечения в международные дела, а также переоценка ценности союзов и союзников, в первую очередь – в Европе. Отношения с традиционными партнерами – НАТО и ЕС – все чаще определяются не только в более прагматичном (транзакционном) ключе, но и наполняются новым содержанием, которое в корне отличается от ранее доминировавших в американской внешнеполитической идеологии концепций единства западного мира – атлантизма, европеизма и мультилатерализма. На смену им трамппизм привносит новые представления о западной идентичности, основанные на сходствах и различиях ценностей США*

¹ **Надточей Юрий Иванович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН (ynadtochey@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-8725-6495.

как «самобытной нации» и других культурно и расово близких народов Европы. Вследствие этого отношения США с ЕС как с особым наднациональным объединением, придерживающимся глобалистского и космополитического видения мира, становятся все более напряженными и отчужденными. Республиканская партия США, которая в годы холодной войны была ревностной защитницей интересов объединенного Запада, становится источником нарастающей неопределенности в трансатлантических отношениях.

Ключевые слова: консерватизм, политическая поляризация, европейская интеграция, Европейский союз (ЕС), атлантизм, европеизм, мультилатерализм, трампизм, идентичность, MAGA-республиканцы.

Вопросам отношений с зарубежными странами и регионами в предвыборных программах ведущих политических партий США традиционно посвящены отнюдь не самые главные разделы. Это вполне объяснимо, поскольку американские политики и их электорат уделяют основное внимание внутренним проблемам своей страны. Однако они не могут не принимать в расчет контакты с международными партнерами, прежде всего – с Европой и конкретно с Европейским союзом. Кто бы ни возглавлял Белый дом – президент-демократ или его оппонент-республиканец – трансатлантические отношения остаются императивом для любой администрации, а профессиональная бюрократическая система в лице Госдепартамента, Пентагона, других государственных структур, а также значительная часть близкого к власти экспертного сообщества способствуют сохранению преемственности связей, оберегая их от чрезмерной зависимости от американской внутривнутриполитической конъюнктуры и партикуляристских интересов отдельных лидеров.

В то же время необходимо подчеркнуть, что подобная формула может оставаться работоспособной лишь в условиях сохраняющейся по обе стороны Атлантики стабильности, при отсутствии видимой турбулентности, политических неурядиц и экономических потрясений. В иных же случаях, особенно в переломные моменты истории, во времена радикальных изменений международной системы, идеологическая (или даже идеационная) составляющая не просто влияет на состояние американо-европейского диалога, но определяет его концептуально, содержательно, методологически.

В такие моменты для европейских столиц – союзниц Вашингтона по НАТО – наименее комфортным и трудным партне-

ром чаще всего оказывается именно Республиканская партия США, представители которой, находясь на вершине власти, не раз принимали неординарные, порой революционные, внешнеполитические решения. В первые годы холодной войны и на ее исходе они порой вынуждали своих коллег из Парижа, Лондона, Бонна принимать как данность весьма неоднозначные шаги американской стороны, к которым сами западноевропейские страны не были готовы, но которые тем не менее ассоциировались с интересами западного мира в целом.

Ситуация в корне изменилась после распада биполярной системы, краха мировой системы социализма, ускорения процессов глобализации. Эти события внесли в трансатлантические отношения новые модальности, тем самым спровоцировав сдвиг бывших союзнических практик в сторону хаотизации. Партийно-идеологические, а порой и сугубо личностные факторы, ранее сглаживаемые институциональными ограничителями, стали если не преобладающими, то, по меньшей мере, более весомыми в процессе определения американских внешнеполитических приоритетов, в том числе – в отношении Европы. Если раньше американские президенты-республиканцы заявляли, что их партия – непоколебимая сторонница «свободной, мирной и неразделенной Европы» [Reagan, 1988 ; Bush, 1989], то в изменившихся геополитических условиях постбиполярного мира именно президенты-республиканцы стали наиболее последовательными критиками Европейского союза, а в последнее десятилетие – едва ли не прямыми антагонистами ЕС и европейской интеграции как таковой.

Примечательно, что в последней предвыборной платформе республиканцев, обнародованной в 2024 г., о ЕС (равно как и о НАТО) не говорится ни слова, в то время как в аналогичном документе их главных политических конкурентов – демократов – оба союза упоминаются неоднократно [Republican Party ... , 2024 ; Democratic Party ... , 2024]. Нарастание противоречий в США – как между ведущими властными группами, так и между более широкими сегментами общества, приводит к тому, что тема отношений с ЕС и Европой в целом все больше интернализируется. После начала «горячей» фазы российско-украинского конфликта она стала неотъемлемой частью американского внутреннего дискурса, причем не только политического, но и идеологического. Обращение к истокам возникновения и развития кризиса в отношениях США–ЕС позволяет выявить причины, породившие сложный комплекс

американо-европейских противоречий не только в области интересов, но и в сфере ценностей.

От атлантизма к идентаризму?

В многочисленных исследованиях, посвященных кризисам в отношениях между США и Европой, особенно в работах представителей рационалистических школ теории международных отношений (неореализм, неолиберализм), преобладает мнение, согласно которому международные отношения развиваются под воздействием прежде всего объективно-материальных факторов – перераспределения сил в международной системе, глобальной и региональной политической динамики [Hellmann, Wolf, 1993]. С этим утверждением трудно не согласиться, особенно принимая во внимание расхожие, но вместе с тем весомые аргументы, убедительно демонстрирующие влияние масштабных геополитических сдвигов на прочность трансатлантических связей: завершение холодной войны и последующее ослабление военно-блоковой солидарности в рамках НАТО; ускорение процессов европейской интеграции и притязания ЕС на большую самостоятельность в мировой политике и экономике; переориентация США на другие центры силы, прежде всего – в Азии.

Корпус исследований, рассматривающих факторы идентичности в качестве первопричины американо-европейских разногласий, несколько меньше и скромнее, но данное обстоятельство не мешает специалистам (особенно тем, кто работает в рамках конструктивистской парадигмы) исследовать нормативные аспекты американской евро-атлантической политики, связывая их прежде всего с внутренними процессами в США, а не со структурными изменениями в международной системе [Lucarelli, 2006 ; Risse, 2008 ; Simoni, 2013 ; Schimmelfennig, 2008]. В данном случае особого внимания заслуживает «тезис о поляризации» современного американского политического спектра, выдвигаемый рядом американских исследователей. В этой концепции отчетливо прослеживаются символические разделительные линии на разных уровнях: между ключевыми партиями (демократами, республиканцами); внутри партий; между отдельными слоями общества; между массами и элитами; между США и их ближайшими союзниками за рубежом. Данные процессы находят свое выражение в «дискурсивной инфраструктуре», которая зарождается в партийных и около-

партийных кругах, а также проецируется на более широкие слои избирателей [Polarization ... , 2024].

Эта особенность американской политической жизни не является чем-то принципиально новым, особенно если речь идет об экономических или социальных изменениях. Вместе с тем межпартийная, внутрипартийная (фракционная) борьба, а в ряде случаев и транспартийная поляризация¹ по вопросам внешней политики заметно обострилась в последнее время [Walt, 2019 ; Borg, 2024]. Символично, что размежевание между демократами и республиканцами по такому, на первый взгляд, специфически узкому вопросу, как отношения с Европейским союзом, коррелирует с более глубокими разногласиями между ними. Согласно данным последних опросов Исследовательского центра Пью (*англ.* Pew Research Center), позитивно в адрес ЕС высказались 80% из числа респондентов, относящих себя к либералам, и только 43% из тех, кто назвал себя консерватором [Gubbala, 2023]. Эти данные примерно совпадают с результатами, полученными при ответах респондентов на такой острейший для многих американцев вопрос, как воздействие нелегальной миграции на безработицу².

Отличительной чертой современной дискуссии по международным вопросам, которая разворачивается как в недрах самой «Великой старой партии» (*англ.* Grand Old Party – второе название Республиканской партии США), так и за ее пределами, становится политизация понятия «Запад». Усилиями как демократов, так и республиканцев сама идея единства западного мира переосмысливается с поправкой на изменившиеся геополитические и культурно-идеологические реалии современности, преломляется в контексте непрекращающихся «культурных войн» и жарких споров об идентичности, ведущихся в США [Crandall, Richardson, 2022 ; Borg, 2021]. Тема сотрудничества с ЕС занимает в этих спорах пусть и не главенствующее, но и далеко не последнее место, особенно в риторике так называемых «MAGA-республиканцев». Мно-

¹ К таковой можно отнести сближение либо расхождение позиций политиков не на основе партийной принадлежности, а на основе личных воззрений и подходов к существующим проблемам.

² 90% опрошенных демократов выразили мнение, что нелегалы работают там, где не желают работать американцы, в то время как 37% республиканцев придерживаются противоположной точки зрения, считая, что мигранты забирают привлекательные для американцев рабочие места [Robertson, 2024].

гие из них, будучи евроскептиками, противопоставляют Европу Соединенным Штатам – обособленной нации со своим уникальным историческим путем. Несмотря на очевидные европейские корни современной Америки (что сторонники MAGA в общем не отрицают), MAGA-республиканцы отделяют идентичность США от идентичности Европы (отождествляемой с ЕС) и даже в какой-то мере от идентичности Евро-Атлантики (отождествляемой с НАТО). Таким образом, сознательно или нет, но американские правые в своей критике Европы фактически прибегают к деконструкции – приему, который некогда предложил французский философ-постструктуралист Ж. Деррида, т.е. к инверсии бинарных оппозиций – замене главного понятия (в данном случае – «Запад») на его антипод (своего рода «анти-Запад») с последующей реконструкцией этого понятия в новом контекстуальном значении.

Подобная инверсия понятий ведет к разрушению прежней иерархии (США – лидер Запада, европейские союзники – ведомые); при этом многие идеи и концепты, долгое время доминировавшие в атлантическом дискурсе США, – «свободный мир», «сообщество судьбы», «союз демократий», – обретают противоположный смысл и другую коннотацию («НАТО бесполезна»; «ЕС хуже Китая, только меньше»¹). В такой логике Старый Свет как бы уравнивается по значению с другими регионами мира, теряя свое привилегированное место в системе геополитических координат Вашингтона и превращаясь просто в еще одного внешнего контрагента². Цивилизационная граница западного мира при такой постановке вопроса также теряет привязку к политической географии, поскольку американские правые склонны ассоциировать понятие «Запад» прежде всего с белой расой и иудео-христианской традицией, а не с либерально-демократическими институтами и процедурами. В таком ключе происходит и переосмысление конкретных истори-

¹ Так в свое время характеризовал европейских союзников Д. Трамп в своем блоге в социальной сети X («Твиттер»).

² Примечательно, что, с точки зрения MAGA-республиканцев, вполне допустимо менять политический статус разных стран («более важные» и «менее важные», «близкие» и «неблизкие» партнеры). В такой парадигме Германия, например, оказывается ничуть не более важным союзником США, чем Япония, а Франция – чем Индия. И даже противники Запада (Россия, Северная Корея) при определенных обстоятельствах могут рассматриваться как потенциальные партнеры или, по крайней мере, договороспособные акторы, с которыми возможно заключение выгодных для США сделок.

ческих процессов, к примеру, холодная война становится всего лишь «битвой внутри западной семьи народов» [Skinner, 2019], а не экзистенциальным конфликтом между Востоком и Западом, тоталитаризмом и демократией.

«Неоконсервативный момент» и «палеоконсервативный реванш»

Консервативные круги США не воспринимают попытку преуменьшить значимость общего политического прошлого (и тем более настоящего) Америки и Европы как нечто новое. Их готовность внимать подобным идеям наметилась достаточно давно, еще в период пребывания на президентском посту Дж. Буша-младшего и его приближенных из числа так называемых неоконсерваторов [Рахшмир, 2004 ; Fabbrini, 2006], когда нежелание отдельных европейских государств – членов НАТО поддержать американское вторжение в Ирак весной 2003 г. вызвало шквал антиевропейских заявлений со стороны «ястребов» из американской администрации, а политологи, аналитики и публицисты, близкие к неоконсервативному крылу республиканцев, постарались концептуально обосновать позицию Белого дома. Именно благодаря усилиям некоторых правых интеллектуалов впервые за многие десятилетия была проведена своего рода «культурная демаркация» европейских союзников по принципу «свой-чужой» и реализована попытка ввести в американскую самоидентификацию представление о том, что современные Соединенные Штаты имеют все меньше общего с ЕС в плане политической и тем более стратегической культуры. Символом политических дискуссий тех лет стали работы политолога Р. Кейгана, развивавшего идентаристский¹ по духу тезис о несовместимости американского и европейского миропонимания и предложившего ставшую расхожей аллегорией встречи «воинственного» Марса (США) и «изнеженной» Венеры (Европы) [Kagan, 2003]. Европа в лице ключевых стран ЕС – Германии и Франции,

¹ Концепция идентаризма применяется, как правило, для характеристики идеологии новых ультраправых движений в Европе, а не в США. В настоящей статье идентаризм интерпретируется в более широких рамках. Автор распространяет эту внутриобщественную концепцию и на сферу международных отношений. При этом сохраняется изначальный смысл концепции идентаризма, в основе которой – идеи культурного сходства / различия между народами и странами, а не факторы этничности.

не говоря уже об институтах Евросоюза, хотя и согласилась с США в вопросе о необходимости противодействия международному терроризму, не пожелала поддерживать эту борьбу любой ценой. Методы и средства антитеррора, практикуемые американскими военными и спецслужбами, зачастую казались европейцам непропорциональными и нарушающими нормы международного права; нарастала обеспокоенность по поводу расширяющихся полномочий силового аппарата США, усиливались опасения насчет возможного превращения «главной демократии мира» в «полицейское государство». Европейские левые интеллектуалы и пацифисты с настороженностью (а то и с негодованием) восприняли американский патриотический подъем, вызванный «глобальной войной с террором», объявленной 43-м президентом США после терактов 11 сентября 2001 г. [Todd, 2003].

На протяжении нескольких лет, последовавших за этими событиями, трансатлантические отношения потрясла череда кризисов, в том числе по поводу центра содержания заключенных в Гуантанаме и секретных тюрем ЦРУ в Литве и Польше. Европейские либералы требовали от США уважать права человека в любой точке мира, обвиняли администрацию Дж. Буша в пренебрежении интересами союзников и унилатерализме, осуждали тайные американские программы слежки за европейскими гражданами [Bowden, 2013]. В свою очередь, американские неоконсерваторы вменяли в вину европейцам их неблагодарность, нелояльность Вашингтону, нежелание защищать принципы «свободы и демократии» [Walker, 2003].

В то же время активный обмен взаимной критикой дополняли не менее энергичные попытки преодолеть существующие разногласия, найти новые форматы партнерства. «Окна» для продолжения дискуссий не закрывались, а характер взаимных претензий все-таки ограничивался отдельными, весьма специальными темами. Ценностные компоненты американско-европейской дискуссии выносились за скобки, оставляя поле для урегулирования прочих накопившихся вопросов посредством переговоров. Даже наиболее ярые евроскептики из команды Дж. Буша, такие как П. Волфовиц, Д. Рамсфелд или Д. Чейни, будучи прежде всего дипломатами «рейгановской поры», воздерживались от проведения символических культурных границ между Старым и Новым Светом на основе этнической, расовой или религиозной идентичности. Подобные практики стали характерными для республиканского дискурса уже

после завершения «неоконсервативного поворота» в середине 2000-х годов.

Накопившаяся общественная усталость от длительных войн в Ираке и Афганистане, помноженная на назревающие внутренние противоречия, поколебала позиции блока правых сил США, прежде казавшиеся довольно устойчивыми. Разразившийся осенью 2008 г. финансово-экономический кризис и последующая победа на президентских выборах кандидата от демократов Б. Обамы существенно изменили идеологический ландшафт внутри Республиканской партии. Одновременно с постепенной маргинализацией ее неоконсервативного и отчасти традиционалистского крыльев была проведена ревизия идеологической платформы, пересмотрены партийные ориентиры с учетом новых посткризисных реалий, включая переориентацию на наиболее пострадавшие от глобализации слои консервативного электората – рабочий и частично мелкобуржуазный класс «белых» американцев, особенно жителей провинциальной части страны [Parker, 2021]. Принимая во внимание интерес данных представителей электората прежде всего к «домашним» проблемам страны, ее экономике (налоги, инфляция), безопасности (защита границ, проблемы нелегальной миграции), этическим вопросам (роль религии в образовании, проблема аборт), идеологи республиканцев если и не вывели внешнеполитическую часть партийной программы в разряд периферийных тем, то, по крайней мере, пересмотрели ее в сторону упрощения. Этот шаг предопределил последующую деградацию концептуальных основ внешнеполитической программы республиканцев и их фактический отказ от «больших стратегий» и внятных нарративов. В соответствии с новыми электоральными запросами, ценностная система Республиканской партии постепенно видоизменялась под воздействием возрождающейся идеологии палеоконсерватизма и ее приверженцев – политиков весьма преклонного возраста (Н. Гингрич, П. Бьюкенен). Их откровенно «почвенническое», неоизоляционистское миропонимание, весьма далекое не только от идеалов атлантизма или европеизма, но и вообще от тонкостей международной политики как таковой, внешне снискало поддержку в республиканских рядах.

Попытки внутрипартийного противодействия таким палеоконсервативным и едва ли не маргинальным идеям не увенчались успехом. В конечном итоге эти идеи подхватил и адаптировал под текущие нужды партии харизматичный Д. Трамп, конкурировать с которым оказались не в силах ни ветераны-«рейганиты» (Дж. Мак-

кейн, М. Ромни), считавшиеся сторонниками крепких международных союзов и трансатлантического единства, ни республиканцы-либертарианцы «среднего» поколения, менее симпатизирующие Европе (М. Рубио, Р. Пол) [John McCain ... , 2018 ; Anderson, 2016]. Все еще недостаточно сильна была и «молодая когорта», постепенно входившая в партийную жизнь в начале 2010-х годов. Ее представители (Р. Десантис) пытались воспользоваться явным дефицитом лидерства и старением кадров в республиканских рядах, однако еще не могли составить конкуренцию более опытным политикам. К тому же политики «молодой когорты», не будучи профессионалами в сфере международных отношений, предпочитали разбираться в международных делах что называется «по ходу дела» и порой довольно поверхностно подходили к обсуждению сложных международных (в том числе европейских) проблем.

Борьба поколений и идей внутри Республиканской партии, победителем в которой в 2016 г. стал скандально известный строительный магнат и первый в истории по-настоящему «несистемный» президент-республиканец, оказалась знаковым событием для американских консерваторов. Их отказ от внешнеполитического наследия времен Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего стал реальностью. Этого потребовала изменившаяся политическая ситуация, электоральные запросы граждан и межпартийная конкуренция.

Главные противники республиканцев – демократы – еще со времени президентства Б. Обамы пытались перехватить у правых «изоляционистскую» инициативу, использовать чаяния своих избирателей, уставших от либерального глобализма и бремени американской гегемонии. Номинально отказавшись от курса на ускоренную глобализацию мировой экономики и политики, демократы начали склоняться в сторону большей сдержанности и самоограничения США на мировой арене, выступать за «дозированное» американское вмешательство в конфликты. Произошел фактический разрыв с доктриной активного либерального интернационализма, доминировавшей в политическом дискурсе демократов на протяжении двух десятилетий после окончания холодной войны [Gebert, 2024]. По меткому выражению профессора У.Р. Мида, некогда разделившего властные элиты страны не по партийному признаку, а по их приверженности внешнеполитическим взглядам отцов-основателей и видных президентов времен молодой американской республики (гамилтонианцы, джеферсонянцы, джексо-нианцы), «в обеих партиях сдержанность затмила интервенцио-

низм, а приверженность свободной торговле уступила место различным формам протекционизма» [Mead, 2024].

США и Европа: испытание трампизмом

С выходом на политическую авансцену противников активного международного вмешательства и долговременных союзов – так называемых «джексонианцев» – для зарубежных партнеров Вашингтона наступили сложные и непредсказуемые времена. В особенно уязвимом положении оказался Европейский союз, столь многим обязанный именно торговой либерализации, глобализации и мультилатерализму: его политическая конструкция и идеологическая платформа явно не вписывались в современный консервативный мейнстрим США.

Критические выпады американских политиков (причем как демократов, так и республиканцев) в адрес ЕС, его социально-экономических и политических практик, затрудняющих развитие трансатлантических связей в экономике, торговле и безопасности, звучали и раньше. Тема европейского «деклайнизма» (т.е. упадка) регулярно поднималась на страницах прессы, а также в научных исследованиях [How to stop ... , 2024 ; The future ... , 2024]. Лейтмотивом всех публикаций была мысль о том, что европейские страны (и ЕС в целом) долгое время не уделяли достаточного внимания конкурентным сферам экономики, в то время как американские бизнес-партнеры Европы стремились во что бы то ни стало сохранять лидирующие позиции. Отставание ведущих экономик ЕС в самых разных областях – высоких технологиях, объемах частных инвестиций в прикладную науку и производство – нередко становилось препятствием для реализации совместных проектов между американскими и европейскими компаниями [Will Europe ease ... , 2024]. Однако именно инновации и финансы позволяли Соединенным Штатам доминировать в отношениях с Евросоюзом, зависимость которого от американской технологической мощи с каждым десятилетием лишь возрастает.

Управляя разветвленной системой союзов, занимая ведущие позиции в ключевых международных организациях, командные высоты в транснациональном бизнесе, США в состоянии реализовывать стратегию гегемонии, обладая главным преимуществом, которого во многом лишен ЕС – способностью формировать глобальную политическую повестку, управлять ею, корректировать ее нужным образом. Объединенная Европа, напротив, чаще всего

адаптируется к американской повестке, выступая в роли ведомого, причем не самого дисциплинированного и компетентного, и к тому же глубоко погруженного в собственную внутривнутрирегиональную проблематику. И даже в европейских делах, как показал опыт конфликтов на территории бывшей Югославии, а затем и Украины, Брюссель вынужден полагаться на дипломатию, экономическую и военную силу Вашингтона при решении задач европейской безопасности. С точки зрения консервативных американских критиков, такой зависимый партнер не может рассчитывать на более сбалансированные и равноправные отношения с США, помимо прочего, еще и потому, что в европейской экономической и управленческой культуре преобладают рабочие подходы и методы, весьма отличные от применяемых за океаном. В глазах американских бизнесменов Европа – символ чрезмерной бюрократической зарегулированности, избыточного государственного вмешательства, высоких налогов и низкой (по сравнению с США) производительности труда. Причем подобную точку зрения сегодня все чаще разделяют даже сами европейские предприниматели, призывающие больше равняться на американский опыт экономического развития [European interests ... , 2024].

Запоздалый призыв «быть похожими на США» в экономике и технологиях стал следствием множества проблем, присущих регуляторной системе ЕС и долгое время не выносившихся на суд широкой общественности. Ранее эти проблемы неоднократно обсуждались в контексте рабочих отношений между трансатлантическими партнерами, но не озвучивались с высоких политических трибун, однако с началом президентства Д. Трампа сложившаяся практика была пересмотрена, и претензии к Брюсселю приобрели более явный и порой бесцеремонный характер. Систематические обвинения Евросоюза едва ли не во всех бедах США стали привычными не только для 45-го президента, но и для высокопоставленных членов его администрации – госсекретаря, министра обороны, советника по вопросам национальной безопасности.

Череду завуалированных, но вместе с тем очевидных выпадов в адрес ЕС открыла речь самого главы американского государства, произнесенная во время визита в Польшу в июле 2017 г. Выступая на Площади Красиньских в Варшаве, Д. Трамп осудил «государственную бюрократию», подрывающую «жизнеспособность и богатство народа», а также добавил, что своим величием западный мир обязан «не бумажной волоките, а людям, которым

было дано право следовать за своей мечтой и искать свое призвание» [Remarks by President Trump ... , 2017]. Эти достаточно политкорректные фразы впоследствии усилил и дополнил жесткой и более прямолинейной «антиевросоюзной» риторикой госсекретарь М. Помпео, открыто поставивший вопрос о релевантности ЕС новым политическим условиям [Remarks by Secretary Pompeo ... , 2018]. Однако и в том, и в другом случаях острие критики было направлено не столько на отдельные недостатки, сколько на саму природу европейской интеграции. В обоих речах отображалась давняя проблема сосуществования и сотрудничества двух совершенно разных политических субъектов – национального государства (США) и государствовподобной организации особого рода, *sui generis*¹ (ЕС).

То обстоятельство, что оба актора организационно, институционально и даже идеологически находятся в «параллельных политических мирах» и, следовательно, не способны использовать опыт классических межгосударственных отношений «суверена с сувереном», всегда накладывало и продолжает накладывать отпечаток едва ли не на весь комплекс американо-европейских связей.

Внедрение в политическую и правовую практику Евросоюза концепции делегированного суверенитета (*англ. pooled sovereignty*)², пришедшей на смену концепции «вестфальского суверенитета» (политики баланса сил в ее грубой форме), было призвано решить перманентную проблему европейских войн и конфликтов, обеспечить устойчивый мир, стабильность и сотрудничество в Европе через экономическую взаимозависимость ее частей и наднациональные нормы права. Однако европейский эксперимент по превращению Старого Света в территорию мира и согласия не нашел должного отклика в рядах американских правых, привыкших мыслить в категориях политического реализма. Европейская интеграция видится им в более прозаическом свете – как следствие длительного нахождения западноевропейских государств под сенью американской гегемонии с последующим формированием у них «нездоровой» зависимости от экономических, военных и прочих

¹ *Лат.* своеобразный, единственный в своем роде. (*Прим. ред.*)

² Под таковым понимается практика делегирования государствами – членами ЕС части своих полномочий по принятию решений созданным ими общим институтам, чтобы решения по конкретным вопросам, представляющим общий интерес, могли приниматься демократическим путем на европейском уровне.

гарантий со стороны США. Такое на первый взгляд поверхностное, но в действительности здоровое понимание сути евроинтеграционных процессов коренится в самой сути республиканской внешнеполитической мысли, исходящей из того, что экономическая взаимозависимость стран не отменяет геополитику, а международное право является действующим институтом только в случае его опоры на силу (экономическую, политическую, военную) [Mearsheimer, 1994].

Тезис о том, что Евросоюз не способен постоять за свои интересы и полагается на американскую защиту, является одним из важнейших пунктов в перечне претензий к Брюсселю не только со стороны практически всех республиканцев, но и со стороны многих демократов. Однако наиболее реакционная часть республиканцев-консерваторов вышла за рамки простой констатации данного факта и перенесла свои претензии в идейную плоскость, постулировав идею о том, что Европе свойственна культура «умиротворения» – чрезмерная толерантность к угрозам, склонность к компромиссам с противниками или соперниками [Frum, Perle, 2003].

Со временем в Вашингтоне даже стали всерьез опасаться последствий распространения так называемого «брюссельского эффекта» – стремления евробюрократии якобы «забалтывать» имеющиеся проблемы посредством нормотворчества и установления собственных правил в мировом масштабе, но без создания соответствующего силового потенциала, гарантирующего соблюдение этих правил и норм со стороны нарушителей мира и спокойствия (террористов или диктаторов) [Tyszka-Drozdowski, 2024]. Путь, по которому должна пойти Европа, чтобы исправить ситуацию, разные консервативные группы американских интеллектуалов, экспертов и дипломатов видят по-разному. Одни, как, например, экс-советник Д. Трампа по вопросам национальной безопасности Дж. Болтон, полагают, что условному «коллективному Брюсселю» необходима опора на НАТО (как на более жизнеспособную структуру), а не на разрозненный и отягощенный проблемами ЕС [Bolton, 2017 ; Transcript ... , 2024]. Другие представители консервативного истеблишмента, включая Дж.Д. Вэнса и некоторых аналитиков-либертарианцев, выступают за дальнейшую автономизацию ЕС в вопросах безопасности и обороны, за перенос бремени безопасности союза на плечи самих европейцев с одновременным сокращением полномочий НАТО [Vance, 2024 ; Carpenter, 2020 ; Maitra, 2024].

Сами европейские лидеры, по-видимому, еще не определились с тем, советам каких американских политиков или аналитиков следовать, и следовать ли вообще. Очевидно, что радикальные меры, предлагаемые американскими правыми, совершенно не устраивают воспитанный на ценностях интеграции политический класс ЕС. Европейский истеблишмент не приемлет нападки американских консерваторов в свой адрес и предлагает собственную модель обеспечения безопасности Европы, отвергая «архаичное» (американское) видение и отказываясь воспринимать окружающий мир как враждебную силу, которую необходимо сдерживать и обуздывать. Взамен предлагается «прогрессивное» (евроинтеграционное) видение, в соответствии с которым признается возможность трансформации несовершенного мира через его развитие и «приобщение к нормам цивилизации».

Для достижения этой цели допускается более нюансированный подход к противникам и исходящим от них угрозам. В своей политике Евросоюз и его страны-участницы не склонны раз и навсегда разделять мир на «своих» и «чужих», как это свойственно американской консервативной мысли. Именно такой логикой часто руководствуются в европейских столицах, выстраивая отношения с различными недемократическими режимами (Иран, Ливия, Сирия, КНДР) и организациями (ХАМАС, «Хезболла», ИРА, ЭТА), не сбрасывая со счетов вероятность того, что их удастся обезвредить не через военную силу, а посредством «политической социализации». Таким образом, американскому мессианству и идеям американской исключительности противопоставляется «нормативная сила» ЕС, его особая «стратегическая культура», опирающаяся преимущественно на нормы права Евросоюза и на их универсальную (с точки зрения европейских институтов) применимость не только в Европе, но и за ее пределами [Manners, Diez, 2007 ; Meyer, 2006]. Не случайно такие крупные специалисты-европеисты как Т. Диез и Я. Маннерс, характеризуя европейский этос, отмечают, что в его основе лежит «не миссионерство, а распространение норм через подачу примера», а также «диалог с “другим”, а не попытки изменить его» [Manners, Diez, 2007].

Выступая своего рода «адвокатом» интеграции и регионализации в различных частях мира, ЕС «рекламирует» свою модель регионального сообщества, основываясь на собственном богатом интеграционном опыте. «Коллективный Брюссель» придерживается мнения, что интеграционные процессы являются наилучшим

способом урегулирования социальных и политических конфликтов, содействуют росту благосостояния, служат источником мира и стабильности. Фактически Евросоюз исходит из того, что глобальная безопасность реализуется через региональные и трансрегиональные проекты многостороннего сотрудничества (мультилатерализм), программы международного развития и гражданские миссии противодействия кризисам [Majog, Bail, 2011]. Европейская концепция «регионального управления» (*англ.* regional governance) контрастирует с американской моделью «централизованной координации» (*англ.* hub-and-spoke), в рамках которой на первое место ставятся потребности рынка, торговли и инвестиций, а не политические задачи внутреннего (и порой весьма длительного) реформирования партнеров по диалогу, их демократизации, оказания им помощи в построении эффективных институтов [Börzel, Risse, 2009]. Стратегия безопасности ЕС, которая, в отличие от постоянно меняющейся при каждой администрации Стратегии национальной безопасности (СНБ) США¹, ориентирована на работу «вдолгую» и не ограничена сроками полномочий лиц, возглавляющих те или иные институты Евросоюза (Еврокомиссия, Совет ЕС, Европейский совет, Европейский парламент), тоже базируется на решении вышеупомянутых политических задач.

Сложная политико-правовая природа ЕС до сих пор не вполне понятна американским лидерам, предпочитающим иметь дело с партнером, который обладает всей полнотой власти и располагает только одним центром принятия решений. К Евросоюзу такой подход явно не применим, уже ввиду того, что система ЕС децентрализована, а суверенитет в классическом понимании этой правовой категории (как атрибут государства-нации) отсутствует. И хотя попытки американских законодателей разобраться в особенностях функционирования системы ЕС приносят некоторые плоды [Blanc, 2023], знаменитая «дилемма Г. Киссинджера»² по-прежнему не теряет своей актуальности. Вашингтону непросто определять ключевых стейкхолдеров в диалоге с Брюсселем, поскольку властные полномочия и компетенции в Евросоюзе распределены

¹ Примечательно, что ЕС принимал Стратегию безопасности лишь дважды за последние четверть века – в 2003 и 2016 гг., тогда как в США СНБ принимается в каждую президентскую каденцию (раз в четыре года).

² Имеется в виду знаменитый вопрос Г. Киссинджера: «Кому мне позволить, если я хочу поговорить с Европой?». (*Прим. ред.*)

между различными субъектами (странами-участницами, институтами), а также между различными уровнями управления (наднациональным, национальным, субнациональным) [Тоје, 2008]. Несмотря на то, что ЕС обрел международную правосубъектность после вступления в силу Лиссабонского договора (2007), его фактический статус в международных отношениях остается размытым, так как область внешних сношений «распределена» между союзом и его членами. Это обстоятельство также осложняет работу по взаимодействию ЕС с Соединенными Штатами, где за внешнюю политику отвечает федеральное правительство.

Здесь следует добавить, что американские консерваторы негативно оценивают и прямо противоположную тенденцию – тенденцию к постепенному укреплению централистских начал в ЕС. По мере того, как ЕС – пусть и ограничено, но все же планомерно, стремится распространять сферу своих компетенций на области, непосредственно затрагивающие суверенные права своих государств-членов, критики из-за океана все чаще обвиняют Брюссель (а еще чаще – Берлин) в «имперских амбициях». Известный своими националистическими взглядами израильский политический философ Й. Хазони, к мнению которого охотно прислушивались в коридорах власти первой администрации Д. Трампа, назвал европейскую интеграцию формой «либерального империализма», а ЕС – не чем иным, как «руководимым Германией имперским порядком», который «призван де-легитимировать и подорвать независимость остальных национальных государств» [Hazonu, 2018, p. 185]. Идея государства-нации, которая так близка консервативной части элиты и общества США и которая в последнее время все чаще рассматривается в идентитаристских категориях, снискала поддержку и бывшего госсекретаря М. Помпео. Глава Госдепартамента, разделяя все государства на «свободные народы» и «империи», отметил, что в Европе, как и во всем мире, усиливается запрос на национальную идентичность, а не на космополитизм и так называемые «общечеловеческие ценности» [Pompeo, 2019].

Некоторые американские политологи, главным образом, сторонники христианской евангелистской доктрины, согласны с тем, что нынешняя идеология ЕС не отвечает общемировому тренду на развитие национальных идентичностей [Littlejohn, 2022], а развивается в противоположном направлении, пропагандируя «ценности открытого общества». По мнению американских правых, нынешняя «Европа Евросоюза» под руководством антидемо-

кратичной брюссельской бюрократии разрушает традиционные институты западной цивилизации (такие как семья, нация, церковь) и при этом оказывает содействие (или по меньшей мере не препятствует) развитию различных негативных тенденций (социальный паразитизм, нигилизм, абсентеизм, неконтролируемая миграция из Африки и Азии), сообразуясь со своими идеями о толерантности и политкорректности. Эта Европа – своего рода «царство декаданса», отказавшееся от своих корней – веры, национализма, патриотизма и отчасти даже капитализма, – в пользу социализма, мультикультурализма, феминизма, атеизма, а также якобы «прогрессивных» политических и культурных норм (расширение гендерных прав, радикальная «зелёная повестка» и т.д.). Постепенно погружаясь в пучину культурного релятивизма, Старый Свет все больше отдаляется от пока еще «здорового» американского общества или, по меньшей мере, от наиболее консервативной его части. Американские правые полагают, что Европа становится все более уязвимой перед лицом внешних угроз и вызовов со стороны выходцев из неевропейских регионов, приверженцев других культур и религий (прежде всего – ислама) [Roberts, 2022].

В стремлении «спасти Европу от глобализма и исламского фундаментализма» к консерваторам из США присоединяются их единомышленники из самой Европы. Такие политические фигуры как Н. Фарадж, М. Марешаль, В. Орбан, Г. Вилдерс были гостями и спикерами на мероприятиях американской Конференции консервативных политических действий (*англ.* Conservative Political Action Conference, CPAC) [Owen, Smith, 2017 ; Weigel, 2018]. В ходе предвыборной гонки в 2016 г. Д. Трамп стал первым крупным американским политиком, открыто поддержавшим выход Великобритании из состава ЕС, а после своего вступления в должность президента он активизировал контакты с лидерами правопопулистских партий Европы.

Президентские выборы 2024 г. в США и трансатлантические отношения

Убедительная победа Д. Трампа на президентских выборах 2024 г. ставит европейский политикум в сложное положение. С одной стороны, он вынужден расстаться с надеждой на продолжение пусть хрупкого и во многом декларативного, но в целом проевропейского и проатлантического курса, проводившегося

командой Дж. Байдена, с другой – может рассчитывать на то, что возвращение «Великой старой партии» в Белый дом создает предпосылки для ускорения намеченных европейскими элитами планов по расширению рамок стратегической автономии ЕС.

Несмотря на очевидные объективные проблемы, встающие перед объединенной Европой, ее нынешние лидеры психологически и эмоционально готовы ко второму президентству Д. Трампа в большей степени, чем восемью годами ранее – в 2017 г. В любом случае, у них было достаточно времени, чтобы хеджировать риски, связанные с нынешним республиканским реваншем, заложить программные и нормативные основы для дальнейшего укрепления ЕС в качестве более самостоятельного центра силы. Осознание необходимости движения именно в этом направлении не исчезало из повестки дня ЕС даже в период пребывания у власти Дж. Байдена. Столкнувшись с реалиями внешней политики американских демократов, много рассуждавших о значимости трансатлантического партнерства, но так и не возродивших его былую силу, европейские лидеры сегодня склонны более трезво оценивать перспективы сотрудничества с Вашингтоном – безотносительно партийной принадлежности действующего главы Белого дома и политической окраски его соратников.

Кадровый потенциал новой администрации США, по-видимому, будет подбираться под конкретные задачи. От чиновников потребуется исполнительность и преданность, а не способность к прожектерству. Последнее качество потребуется скорее от политических предпринимателей вроде И. Маска, а также от большой группы экспертов и идеологов, перед которыми поставлена задача обеспечить будущей команде Трампа эффективность и целостность посредством создания надежной экспертно-аналитической платформы. Ранее такая платформа у MAGA-республиканцев попросту отсутствовала, и в результате их политика оказывалась достаточно хаотичной, неуклюжей, лишенной концептуальной стройности. Теперь же республиканцы в полной мере осознают значимость экспертизы, а их заинтересованность в профессиональном обрамлении политического курса приводит к тому, что трамписты постепенно подводят более прочную, нежели прежде, экспертную основу под свои идеи и обретают аналитическую поддержку в лице мозговых центров консервативного толка, как старых (Фонд «Наследие» (*англ.* Heritage Foundation)), так и относительно новых (институт «Америка превыше всего» (*англ.*

America First Policy Institute, AFPI)). В связи с этим весьма примечательны рекомендации, представленные в программном тексте так называемого «Проекта 2025» (*англ.* Project 2025), внешнеполитическая часть которого на 80% посвящена вопросам реформы Госдепартамента. В ней обосновывается необходимость отказа от системы, отдающей приоритет профессиональным кадровым дипломатам – дипломатической бюрократии, и перехода к системе политических назначений [Skinner, 2023]. Это говорит о намерении сторонников нового президента порвать с зависимостью от работающих на истеблишмент и «глубинное государство» аналитических структур (известных под общим названием «Пузырь» (*англ.* «the blob»)), одновременно придав программе будущей администрации более четкий характер.

Вероятная смена парадигмы государственного управления с «институциональной» (ориентированной на правила, нормы и процедуры) на «клиентельную» (основанную на личной преданности первому лицу) может повлечь за собой перемены и в трансатлантическом диалоге. Политики Старого Света будут меньше полагаться на формально существующие между США и ЕС институциональные связи, в меньшей степени мыслить категориями отдаленного будущего, откажутся от чрезмерных взаимных ожиданий и предпочтут сосредоточиться на текущем моменте, когда лучшей стратегией является тактика и действует правило «поступай согласно обстановке». На деле это будет означать готовность налаживать связи с новым президентом и его окружением (советниками, чиновниками аппарата) в зависимости от реального политического влияния и «веса» конкретных фигур и групп (фракций) в будущей администрации, а не от формально заявленных ею внешнеполитических приоритетов [Keating, 2024].

Обозреватели, наблюдающие за процессом формирования администрации Д. Трампа, выделяют еще один важный фактор: сейчас, в отличие от ситуации 2017–2021 гг., новая команда президента может стать более сплоченной – и вместе с тем более радикальной – в силу эффекта «правительственной триады»: впервые с 2016 г. республиканцы сумели взять под контроль не только Белый дом, но и обе палаты Конгресса, завоевав 53 места в Сенате и 220 мест в Палате представителей. Учитывая всё возрастающую роль Конгресса в области внешней политики, подобный расклад позволит президенту более эффективно использовать функции и прерогативы высшего законодательного и представительного

органа США в своих целях [Новиков, Лолаев, 2023]. Глава государства сможет заручаться поддержкой сенаторов-однопартийцев в процессе утверждения кандидатов на высшие должности в администрации (включая министра обороны и госсекретаря), получать «совет и согласие» при ратификации международных договоров, и самое главное – контролировать и направлять ресурсное обеспечение отдельных направлений внешней политики через средства, выделяемые Конгрессом для этой цели. Европейским лидерам, несомненно, придется считаться с этим обстоятельством при поиске дополнительных лоббистских возможностей в среде американских парламентариев. Заполучить союзников среди них станет значительно сложнее.

В любом случае следует признать, что, какие бы лица в дальнейшем ни вошли в узкий круг Д. Трампа или в более широкий пул его республиканской команды, их приход во власть не сулит Европейскому союзу безоблачного будущего. В конечном счете будущее во все большей степени начнет определяться не только идеологией, но и геополитикой и геоэкономикой. И в ближайшие годы, и на дальнейшую перспективу американо-европейская повестка, как и прежде, будет сосредоточена на злободневных, острых и «больных» темах – торговых тарифах, регулировании сферы высоких технологий, проблемах изменения климата, поисках общих и наиболее приемлемых стратегий в отношении Китая, России, Ближнего Востока, вопросах формирования нового облика европейской и международной безопасности.

Современное восприятие Европейского союза американскими консерваторами быстро эволюционирует, что стало особенно заметно в контексте трансформации Республиканской партии под влиянием трампизма. Возвышение Д. Трампа на политической сцене и консолидация его сторонников (MAGA-республиканцев) привели к коренным изменениям в подходе партии к внешней политике. Руководящими принципами своей внешнеполитической стратегии трамписты провозглашают прагматизм и транзакционность. Декларативно они пытаются свести идеологические императивы к минимуму, пытаясь выстраивать отношения с союзниками и противниками исключительно на основе соблюдения американских интересов (или того, что под ними понимается). В такой парадигме даже ближайшие союзники рассматриваются не как «братья

по идеологии», а скорее как партнеры по бизнесу. В полной мере это правило относится и к Евросоюзу.

В то же время ценностная составляющая не только не уходит из повестки дня трансатлантических отношений, но и в значительной мере начинает определять их содержание. Происходит постепенный демонтаж сложившейся за многие десятилетия идеологической основы американско-европейского сотрудничества – «атлантизма», – а роль Европы в системе геополитических координат подвергается пересмотру не только с чисто политических, но и с культурологических позиций.

Начиная с 2000-х годов в консервативном дискурсе США планомерно усиливались позиции тех сил, которые предлагали рассматривать отношения с ЕС сквозь призму идентичности – политической, культурной, религиозной. В недрах Республиканской партии нарастали антиевропейские настроения, упрочивались позиции евроскептиков и европессимистов. Американские правые чаще стали подчеркивать различия между Соединенными Штатами с их ценностями суверенной нации и постепенно десоверенизирующимся ЕС, с которым американским дипломатам все сложнее находить точки соприкосновения. Идеи космополитизма и мультилатерализма, которые ЕС активно продвигает на мировой арене, воспринимаются MAGA-республиканцами как угроза американским национальным интересам и культурным ценностям.

Первый президентский срок Д. Трампа, характеризовавшийся резким подъемом антиевропейских идей в среде Республиканской партии, нанес ущерб многолетнему устоявшемуся союзу США и Европы, однако не привел к распаду довольно прочной системы трансатлантического партнерства. Вторая каденция Д. Трампа может привести к дальнейшему нарастанию противоречий между двумя берегами Атлантики, но это не означает, что очередное республиканское четырехлетие окажется фатальным для отношений Брюсселя и Вашингтона. Их диалог и взаимодействие все же будут определяться не только идеологией, но и необходимостью решения многих насущных вопросов, и способность сторон адаптироваться к новой реальности определит, сохранится ли в будущем единое геополитическое пространство «коллективного Запада» или уступит место более фрагментированным и локализованным альянсам.

Литература / References

Новиков Д.П., Лолаев А.И. (2023). «Диктат парламента»? О внешнеполитической роли Конгресса США при администрации Д. Трампа // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 67–89 [Novikov D.P., Lolaev A.I. (2023). «Dictate of Parliament»? On the foreign policy role of the US Congress under D. Trump administration [*«Diktat parlamenta»? O vneshnepoliticheskoi roli Kongressa SShA pri administratsii D. Trampa*] // Current problems of Europe / РАН, ИНИОН. – Moscow. – N 1. – P. 67–89]. (In Russian).

Рахшмир П.Ю. (2004). Американские консерваторы и Европа // Мировая экономика и международные отношения / РАН, ИМЭМО. – Москва. – № 7. – С. 30–41 [Rakhshmir P.Yu. (2004). American conservatives and Europe [*Amerikanskie konservatory i Evropa*] // World economy and international relations / RAS, IMEMO. – Moscow. – N 7. – P. 30–41]. (In Russian).

Anderson M. (2016). Once Trump's loudest GOP critic, Mitt Romney meets with the President-elect // National Public Radio. – Washington, D.C. – 19.11. – URL: <https://www.npr.org/2016/11/19/502569638/once-trumps-loudest-gop-critic-mitt-romney-set-to-meet-president-elect> (date of access: 13.02.2025).

Blanc E. (2023). Recognition through dialogue : how transatlantic relations anchor the EU's identity // The British j. of politics and international relations. – Thousand Oaks, CA : SAGE. – Vol. 25, Issue 1. – P. 102–120.

Bolton J. (2017). Europe's elections // Pittsburgh Tribune-Review. – Pittsburgh, PA. – 13.05. – URL: <https://www.aei.org/articles/europes-elections/> (date of access: 30.11.2024).

Borg S. (2021). Cancelling the West : transatlantic relations in the era of culture wars // Global Affairs. – London : Taylor & Francis. – Vol. 7, Issue 3. – P. 311–325.

Borg S. (2024). A battle for the soul of this nation : how domestic polarization affects US foreign policy in post-Trump America // International j. – Thousand Oaks, CA : SAGE. – Vol. 79, Issue 1. – P. 22–39.

Börzel T.A., Risse T. (2009). Diffusing (inter-) regionalism : the EU as a model of regional integration / Freie Universität. – Berlin. – 27 p. – URL: https://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transforeurope/publications/working_paper/wp/wp7/WP_07_Boerzel_Risse.pdf (date of access: 13.02.2025).

Bowden C. (2013). The US surveillance programmes and their impact on EU citizens' fundamental rights / European Parliament. – Brussels. – 40 p. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/474405/IPOL-LIBE_NT\(2013\)474405_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/474405/IPOL-LIBE_NT(2013)474405_EN.pdf) (date of access: 13.02.2025).

Bush G. (1989). A Europe whole and free : remarks to the citizens in Mainz / US diplomatic mission to Germany. – Mainz. – 31.05. – URL: <https://usa.usembassy.de/etexts/ga6-890531.htm> (date of access: 13.02.2025).

Carpenter T.G. (2020). Why can't Europe defend itself? // The National Interest. – Washington, D.C. – 01.12. – URL: <https://nationalinterest.org/blog/skeptics/why-cant-europe-defend-itself-173559> (date of access: 13.02.2025).

Crandall R., Richardson F. (2022). The end of the West? // Survival. – London : Taylor & Francis. – Vol. 64, Issue 2. – P. 167–178.

Democratic Party platform. (2024) / The American Presidency project. – Santa Barbara, CA. – 19.08. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2024-democratic-party-platform> (date of access: 13.02.2025).

European interests, new European ways : catch-up or face the decline of Europe : joint declaration of the 6th Trilateral business forum. (2024) / MEDEF. – Paris. – 22.11. – 4 p. – URL: <https://www.medef.com/uploads/media/default/0020/04/16203-declaration-commune-bdi-confindustria-medef.pdf> (date of access: 13.02.2025).

Fabbrini S. (2006). US unilateralism and American conservative nationalism // The United States contested American unilateralism and European discontent / S. Fabbrini (Ed.). – London : Routledge. – P. 69–92.

Frum D., Perle R. (2003). An end to evil : how to win the war on terror. – New York : Random House. – 284 p.

Gebert Ph. (2024). President Biden's restrained Hamiltonian foreign policy // Canadian review of American studies. – Toronto : Univ. of Toronto press. – Vol. 54, Issue 2. – P. 153–169.

Gubbala S. (2023). People broadly view the EU favorably, both in member states and elsewhere / Pew Research Center. – Washington, D.C. – 24.10. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/10/24/people-broadly-view-the-eu-favorably-both-in-member-states-and-elsewhere/> (date of access: 13.02.2025).

Hazon Y. (2018). The virtue of nationalism. – New York : Basic Books. – 304 p.
Hellmann G., Wolf R. (1993). Neorealism, neoliberal institutionalism, and the future of NATO // Security studies. – London : Taylor & Francis. – Vol. 3, Issue 1. – P. 3–43.

How to stop Europe's decline. (2024) // Washington Post. – Washington, D.C. – 19.09. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/09/19/europe-productivity-technology-decline-draghi/> (date of access: 13.02.2025).

John McCain : five times he clashed with Trump. (2018) // BBC. – London. – 26.08. – URL: <https://web.archive.org/web/20180826121155/https://www.bbc.com/news/world-us-canada-45313845> (date of access: 13.02.2025).

Kagan R. (2003). Of paradise and power : America and Europe in the new world order. – New York : Alfred A. Knopf. – 112 p.

Keating J. (2024). The three foreign policy factions fighting for Trump's ear // Vox. – Washington, D.C. – 22.11. – URL: <https://www.vox.com/world-politics/386680/trump-foreign-policy-rubio-hegseth-waltz-gabbard> (date of access: 13.02.2025).

Littlejohn B. (2022). Christians lead the way at NatCon Europe // The American Conservative. – Washington, D.C. – 31.03. – URL: <https://www.theamericanconservative.com/christians-lead-the-way-at-natcon-europe/> (date of access: 13.02.2025).

Lucarelli S. (2006). Values, identity and ideational shocks in the transatlantic rift // J. international relations and development. – London : Palgrave Macmillan. – Vol. 9, Issue 3. – P. 304–334.

Maitra S. (2024). The best NATO is a dormant NATO // Foreign Affairs / Council on foreign relations. – New York. – 04.11. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/europe/best-nato-dormant-nato> (date of access: 13.02.2025).

Manners I., Diez T. (2007). Reflecting on normative power Europe // Power in world politics / F. Berenskoetter, M.J. Williams (Eds.). – London : Routledge. – P. 173–188.

Mearsheimer J. (1994). The false promise of international institutions // *International Security*. – Cambridge, MA : MIT press. – Vol. 19, Issue 3. – P. 5–49.

Major C., Bail M. (2011). Waiting for soft power : why the EU struggles with civilian crisis management // *Preventing conflict, managing crisis : European and American perspectives* / E. Gross, D. Hamilton, C. Major, H. Riecke (Eds.) ; SWP. – Berlin. – P. 15–36. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/sonstiges/PreventingConflict_ks.pdf (date of access: 13.02.2025).

Mead W.R. (2024). Return of Hamiltonian statecraft : a grand strategy for a turbulent world // *Foreign Affairs / Council on foreign relations*. – New York. – Vol. 105, Issue 5. – P. 52–88.

Meyer C.O. (2006). The quest for a European strategic culture : changing norms on security and defence in the European Union. – London : Palgrave Macmillan. – 212 p.

Owen P., Smith D. (2017). Nigel Farage says Brexit and Trump win are «beginning of global revolution» // *The Guardian*. – London. – 24.02. – URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/feb/24/nigel-farage-cpac-speech-trump-brexit-global-revolution> (date of access: 13.02.2025).

Parker C.S. (2021). Status threat : moving the right further to the right? // *Daedalus*. – Cambridge : Cambridge univ. press. – Vol. 150, Issue 2. – P. 56–75.

Polarization and US foreign policy : when politics crosses the water's edge. (2024) / G.M. Friedrichs, J. Tama (Eds.). – London : Palgrave Macmillan. – 442 p.

Pompeo M. (2019). A foreign policy from the founding / US Department of State. – Beverly Hills, CA. – 11.05. – URL: <https://2017-2021.state.gov/a-foreign-policy-from-the-founding/> (date of access: 13.02.2025).

Reagan R. (1988). Address to the citizens of Western Europe. (1988) / *The White House*. – Washington, D.C. – 23.02. – URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-citizens-western-europe-0> (date of access: 13.02.2025).

Remarks by President Trump to the people of Poland. (2017) / *The White House*. – Warsaw. – 06.07. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-people-poland/> (date of access: 13.02.2025).

Remarks by Secretary Pompeo at the German Marshall Fund. (2018) / *US Embassy in Ukraine*. – Brussels. – 04.12. – URL: <https://ua.usembassy.gov/remarks-by-secretary-pompeo-at-the-german-marshall-fund/> (date of access: 13.02.2025).

Republican Party platform. (2024) / *The American Presidency project*. – Santa Barbara, CA. – 08.07. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2024-republican-party-platform> (date of access: 13.02.2025).

Risse Th. (2008). The crisis of the transatlantic security community // *Multilateralism and security institutions in an era of globalization* / D. Bourantonis, K. Ifantis, P. Tsakonas (Eds.). – London : Routledge. – P. 78–100.

Robertson Kh. (2024). Poll tracker : attitudes on immigration in the 2024 US elections / *Americas Society ; Council of the Americas*. – New York. – 25.10. – URL: <https://www.as-coa.org/articles/poll-tracker-attitudes-immigration-2024-us-elections> (date of access: 13.02.2025).

Roberts K. (2022). The European Union as seen from Washington // *The American Conservative*. – Washington, D.C. – 05.12. – URL: <https://www.theamericanconservative.com/the-european-union-as-seen-from-washington/> (date of access: 13.02.2025).

Schimmelfennig F. (2008). Transatlantic relations, multilateralism and the transformation of NATO // *Multilateralism and security institutions in an era of globalization* / D. Bourantonis, K. Ifantis, P. Tsakonas (Eds.). – London : Routledge. – P. 183–201.

Simoni S. (2013). *Understanding transatlantic relations : whither the West?* – London : Routledge. – 220 p.

Skinner K.K. (2019). *Future Security Forum 2019 : what does the State Department think will be the challenges of 2030.* – Washington, D.C. – 29.04. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dZJL0NfJtaQ> (date of access: 13.02.2025).

Skinner K.K. (2023). *Department of State // Mandate for leadership : the Conservative promise : Project 2025.* – Washington, D.C. – P. 171–200. – URL: https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FULLL.pdf (date of access: 13.02.2025).

The future of European competitiveness. (2024) / European Commission. – Brussels. – URL: https://commission.europa.eu/document/download/97e481fd-2dc3-412d-be4c-f152a8232961_en (date of access: 13.02.2025).

Todd E. (2003). *After the empire : the breakdown of the American order.* – New York : Columbia univ. press. – 190 p.

Toje A. (2008). *America, the EU and strategic culture : renegotiating the transatlantic bargain.* – London : Routledge. – 224 p.

Transcript : world stage: NATO with John Bolton. (2024) // *Washington Post.* – Washington, D.C. – 11.07. – URL: <https://www.washingtonpost.com/washington-post-live/2024/07/11/transcript-world-stage-nato-with-john-bolton/> (date of access: 13.02.2025).

Tyszka-Drozdzowski K. (2024). *Europe is woefully unprepared for Trump II // The American Conservative.* – Washington, D.C. – 11.12. – URL: <https://www.theamericanconservative.com/europe-is-woefully-unprepared-for-trump-ii/> (date of access: 13.02.2025).

Vance J.D. (2024). *Curated remarks at the 2024 Munich security conference panel : figuring out relationship goals : the EU and its partners // American Rhetoric.* – Munich. – 18.02. – URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/jdvancemunichsecurityconference2024.htm> (date of access: 13.02.2025).

Walker M. (2003). *The European problem // National Review.* – New York. – 10.06. – URL: <https://www.nationalreview.com/2003/06/european-problem-martin-walker> (date of access: 13.02.2025).

Walt S. (2019). *America's polarization is a foreign policy problem, too // Foreign Policy.* – Washington, D.C. – 11.03. – URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/11/americas-polarization-is-a-foreign-policy-problem-too/> (date of access: 13.02.2025).

Weigel D. (2018). *Far-right French politician to CPAC : «Vive le nationalisme» // Washington Post.* – Washington, D.C. – 22.02. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2018/02/22/far-right-french-politician-to-cpac-vive-le-nationalisme/> (date of access: 13.02.2025).

Will Europe ease up on big tech? (2024) // *The Economist.* – London. – 05.12 – URL: <https://www.economist.com/business/2024/12/05/will-europe-ease-up-on-big-tech> (date of access: 13.02.2025).

Nadtochey Yu.I.¹

«The Unknown Venus»: the European Union in the contemporary discourse of the US Republican party

Abstract. *The article explores the peculiarities of the perception of the European Union in the current conservative US discourse. The preconditions for the rapid (by historical standards) ideological shift within the Republican Party toward «Trumpism» are examined. The rise of Donald Trump and the growing influence of the supporters of the 45th and 47th president (so called MAGA-Republicans) have brought significant changes to the party's foreign policy agenda, the basis of which became a policy of selective and limited involvement in international affairs, alongside a reassessment of the value of alliances and allies, particularly in Europe. Relations with traditional partners – NATO and the EU – are increasingly being defined not only by a pragmatic (transactional) approach, but also by new ideological underpinnings that diverge sharply from the previously long-term dominant ideas in US foreign policy, such as Atlanticism, Europeanism, and multilateralism, which emphasized the unity of the Western world. Instead, Trumpism brings new ideas about Western identity based on the similarities and differences in the values of the United States as a «unique nation» and other culturally and racially similar European nations. As a result, the US relationship with the EU as a supranational entity that embraces a globalist and cosmopolitan worldview is becoming increasingly tense and distant. The US Republican Party, once a zealous defender of the interests of the unified West during the Cold War, is becoming a source of growing uncertainty in transatlantic relations.*

Keywords: *conservatism, political polarization, European integration, European Union, Atlanticism, Europeanism, multilateralism, Trumpism, identity, MAGA-Republicans.*

Статья поступила в редакцию (Received) 03.02.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 06.02.2025
Принята к публикации (Accepted) 13.02.2025

¹ **Nadtochey Yury Ivanovich** – PhD in History, Senior Researcher, INION RAN (ynadtochey@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-8725-6495.